

Об авторе. 53 года. Живет в Санкт-Петербурге (Россия). "Родилась в Ленинграде. С отличием закончила Педагогический институт имени Герцена, но учила детей математике всего четыре года...

Уже много лет работает на одном из крупных предприятий военно-промышленного комплекса. Замужем, два сына-школьника. Любит свою семью и свой дом, возиться на садовом участке, собак, кота Маркиза, отечественное кино 50-х годов, старые библиотечные книги и много чего ещё. Региональный представитель общества "Поэты России" в СПб.

Публиковала свои стихотворения в сборниках «Неразведённые мосты» (СПб – Нью-Йорк 2011), «Поэзия Северной Пальмиры», литературном журнале «Окна» (Германия), литературном журнале «Союз писателей» (Новокузнецк), газете «Школьник». Финалист первого Открытого чемпионата России по литературе в

номинации «Поэзия» (Сетература-МК), победитель ряда сетевых поэтических конкурсов...".

Про пианино

.

А и правда, как без пианино,
если ходит девочка в кружок.
Доченька, единственная, Нина...
Доченьке двенадцатый годок.
Вот в многотиражке на заводе
дочкин напечатали портрет.
Пишут, что талантливая вроде.
Жалко, инструмента в доме нет.
Клавиши рисует на газете
да играет в полной тишине.
Пальчики испачканные эти
видятся родителям во сне.
А девчонке снятся песни Грига,
Сольвейг на заснеженной лыжне.
Толстая растрёпанная книга
дремлет рядом с ней на простыне.
И однажды утром на рассвете
в доме появился наконец,
перебудоражив всех соседей,
новый удивительный жилец.
В Стрельне, у немецких колонистов
куплен и доставлен, как хрусталь,
вымечтанный, красно-золотистый
беккеровский сказочный рояль.

Мне бы вас порадовать, да нечем.
В сорок первом, где-то в декабре
выменяли «Беккера» на гречу,
слёзы мимолётно утерев.
Пальцы огрубели от работы,
ссадины, мозоли, волдыри...

А без пианино в доме, что ты!
Всё мечтала внукам подарить...

Возвращение

Я вступаю в берега коридора
где на каждой половине твой след
передёрнуты дверные затворы

бьёт навывлет ослепительный свет

/я реку верни река
мне мои водовороты
диких пчёл лесные соты
с терпким мёдом первых встреч
шорох тёплого песка
одуванчик желторотый
в щели красного капота
не сумели уберечь/

сквозь витражное окно на портреты
смотрит выгоревший старый портрет
было лето лето падало в Лету
сквозь шуршанье опадающих лет

/мозаичное стекло
лак перил чужие взгляды
было ясно что не надо
длить касаться и дразнить
только время сквозь текло
спелым соком винограда
и звенела беспощадно
натянувшаяся нить/

в коридоре бродит сонное эхо
дремлет в коконе седой шелкопряд
не зови меня не надо не к спеху
мы успеем возвратиться назад...

Перевал

Попавшее в оконный переплёт,
сырое небо бьётся грудью в стену
гостиной, где безмолвно и степенно
сто лет столетник бабушкин растёт,
где ходики воркуют в тишине,
где вазочки на вязаных салфетках,
где кенар спит в накрытой пледом клетке,
присвистывая тоненько во сне.
И бабушка, вздыхая, прилегла
на круглый валик старого дивана.
В студёном ноябре темнеет рано,
и сделаны домашние дела.
И снится нашей бабушке вокзал,
прощанье на заснеженном перроне,

а после – степь, дорога, сани, кони,
и ночь, и узкий горный перевал...

.....
Её нашёл наутро старший внук,
когда принёс продукты, как обычно.
(Она с годами стала склеротична -
обычный в этом возрасте недуг).
Что дальше было, что там за дела,
не помню... помню только снег и дали,
и тёплый свет на синем перевале,
который я когда-то перешла.

[Страница автора в Сети](#)